

КЭТРИН ХЬЮЗ

КЭТРИН ХЬЮЗ

КЛЮЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111.31(410)
ББК 84(4Вел)-44
Х98

Kathryn Hughes
THE KEY

First published in the English language
by Headline Publishing Group Limited
Печатается с разрешения издательства
Headline Publishing Group Limited

Серия «Вкус к жизни»

Перевод с английского *Светланы Хатуевой*
Оформление обложки *Яны Половцевой*

Хьюз, Кэтрин.

Х98 Ключ : [роман] / Кэтрин Хьюз ; [перевод с английского С. В. Хатуевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Вкус к жизни).

ISBN 978-5-17-108869-9

Из-за непонимания и предубеждения врачей Эми оказалась заперта в психиатрической лечебнице «Эмбергейт». Ей кажется, что жизнь кончена, ведь из больницы не так-то просто выйти: бесчеловечное устройство подобных организаций направлено лишь на то, чтобы сломить волю человека любыми законными и незаконными методами.

Но в истории Эми оказывается тот, кто готов ее спасти, тот, кто верит в ее выздоровление, силу и твердый характер. Это врач, в которого она влюбляется без памяти и он отвечает ей тем же. С этого момента их судьбы навсегда соединяются в одну странную темную историю о трагедии, потерянной любви и ошибках, которые еще возможно исправить.

УДК 821.111.31(410)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-108869-9

© Kathryn Hughes, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Поверни ключ и открой дверь в прошлое...

Памяти Джеймса и Мэри Томас

ПРОЛОГ

Ноябрь 1956 года

Выскользнув из дома, я иду очень быстро, то и дело сбиваясь на бег. Грудь ходит ходуном, и я почти задыхаюсь. На улице ни души, и я благодарна за этот маленький подарок — не придется объясняться с любопытными соседями. Где-то жарят лук... Вдыхая сладкий аромат, вспоминаю, что давно не ела. Из-за изгороди выходит рыжий кот и садится на дорогу. Уличный фонарь освещает яркую шерсть. Я приближаюсь, и он сам идет ко мне, подняв трубой хвост с завитком на конце. Задрав морду, он приветственно мяукает. Ждет, что я нагнусь и поглажу его как обычно. Но сегодня этого не будет. В сегодняшнем дне нет ничего обычного.

Поворачиваю за угол и вижу вход в парк. Неужели я так быстро дошла? Оглянувшись, толкаю ржавые железные ворота. Видавшие виды старые петли недовольно скрипят, прорезая тишину ночи. Мой план бесшумно проникнуть в парк срывается, но, оказавшись за воротами, я чувствую себя в безопасности и замедляю шаг. Совсем немного, ведь нужно продолжать идти. Расслабляться нельзя. Чувствую запах стоячей цветущей воды — значит, до озера рукой подать. Прибавляю шаг, огибаю поворот и вижу его. Вода плещется о галечный пляж, за перевернутой весельной лодкой дремлет пара лебедей.

КЭТРИН ХЬЮЗ

Я делаю первый робкий шаг в ледяную воду, и перехватывает дыхание. Голые ноги ступают на острые камни, склизкие водоросли обвивают щиколотки. Оборачиваюсь и смотрю на туфли, которые только что сняла. Они брошены впопыхах, а одна даже перевернулась. Отчитываю себя за несвойственную небрежность — нужно было аккуратно поставить их рядом, как учила мама. Теперь она будет разочарована, а ведь совсем скоро кроме этих туфель от меня не останется ничего. Только поэтому я их и сняла.

От холода ломит ноги, но я делаю еще несколько шагов вперед, и вода теперь доходит до колен. Темное озеро абсолютно спокойно, и только моя юбка обвивается вокруг ног. Столько раз я была на этом озере, но никогда — в такое время и при таких обстоятельствах. Небо над головой ясное и черное. Даже чернильное. Его освещает только молодой месяц, и поэтому прекрасно видна россыпь звезд. Откуда-то из деревьев вспорхнула сова и, хрипло вскрикнув, пролетела над самой поверхностью воды. От неожиданности я отпрыгнула, но удержала равновесие. Стараюсь восстановить дыхание. Несмотря на темень, вижу под водой свои побелевшие крошечные ступни.

Еще несколько шагов, и вода уже по пояс. Не могу дышать. Вокруг чернота — не только в небе, но и в воде, в сердце и в голове. А еще мне грустно. Мне всегда было грустно. Я ношу эту грусть как накидку — большую тяжелую накидку, которая накрывает меня и которую я не в состоянии стряхнуть. Но теперь я хочу поскорее покончить со всем этим. Еще несколько шагов, и наступит забытье. Взгляд опускается на спящего в моих руках младенца, но я ничего не чувствую. Я и не ожидала никаких чувств. Снова слышу резкие и отчаянные хрипы, но сейчас мне не нужно оборачиваться. Я знаю, что на этот раз это не сова. Это другое.

1

Сентябрь 2006 года

Она смотрела, как он стоит перед зеркалом в холле и смахивает с бежевого пальто несуществующую пыль. Ветерок из открытого окна доносит запах его сандалового лосьона. Он все еще красив — время не превратило его в сморщенного старика. Волосы хоть и поседели, но сохранили завидную густоту. Глаза горят, несмотря на постигшее его горе.

— Доброе утро, пап. Ты на кладбище?

Он натянуто улыбнулся.

— Да, Сара. Куда же мне еще идти?

Она поправила ему галстук и поцеловала в щеку.

— Уже шесть месяцев прошло, пап. Не обязательно ходить туда каждый день.

— Знаю, что не обязательно, Сара. Но хочу.

Он наклонился и еще раз прошелся мягкой щеткой по начищенным ботинкам. Выпрямившись, посмотрел ей прямо в глаза и мягким, почти умоляющим тоном сказал:

— Хорошо бы и тебе со мной ходить иногда.

Она чуть не застонала. Сколько можно снова и снова говорить об одном и том же!

— Мне не нужно идти на могилу к маме, чтобы помнить о ней. Она вот здесь каждый день, каждую секунду, — сказала она, приложив руку к груди.

Он вздохнул, взял ее руку и поцеловал.

КЭТРИН ХЬЮЗ

— Как хочешь, но нужно в ближайшее время высадить луковицы. Хочу, чтобы в унылые зимние месяцы там было все в цвету. Пожалуй, куплю подснежники. Они же рано распускаются? А еще крокусы и нарциссы. По крайней мере, их не сгрызут эти чертовы кролики, — усмехнулся он. — Что скажешь?

Сара сняла с перил сумку и перекинула ремень через плечо.

— Хорошо, заеду в садовый центр на обратном пути.

— На обратном пути откуда? — удивленно спросил он.

— Папа, — делая акцент на каждый слог, протянула она. —

Ты прекрасно знаешь, куда я еду.

— Только не говори, что снова едешь вынюхивать про то место.

— Я не вынюхиваю. Это называется исследовать.

Увидев боль в отцовских глазах, Сара пожалела о своей резкости и смягчила тон:

— Пойми, папа, ты — главный носитель информации. Представляешь, насколько она ценна для меня как для историка? Разве ты не хочешь, чтобы моя книга удалась?

— Ты теперь у нас историк? Я думал, ты работаешь в библиотеке.

— Да, папа, там я работаю. Нам всем нужно оплачивать счета, но книга — это моя страсть, и от твоего вклада зависит, получится просто хорошая книга или совершенно потрясающая.

— Я уже говорил, — усталым голосом сказал он, — не хочу обсуждать это. И не обращай ко мне, когда тебя привлекут за незаконное вторжение на чужую территорию, — погрозил он пальцем.

— Это не вторжение, это исследование городской среды. — Заметив, как задрожал его подбородок и участилось дыхание, она легонько потянула его за рукав пальто. — Пожалуйста, просто расскажи, что там было, — прошептала она. — Обе-

Ключ

щаю — если будет слишком тяжело, мы остановимся. Просто расскажи то, что захочешь.

Он открыл входную дверь и раздраженно вздохнул — на улице шел дождь. Взяв со стойки зонт, взмахнул им в сторону Сары как шпагой. Она отпрянула.

— Я уже рассказал тебе все, что хотел.

— Да ты не рассказал мне ровным счетом ничего.

Он раскрыл зонт и поднял его над головой.

— Некоторые вещи лучше оставить в прошлом, Сара. И это мое последнее слово по этому вопросу.

Она смотрела, как он идет по дорожке, и надеялась, что сейчас он обернется и с извиняющимся видом помашет ей рукой. Когда была жива мама, ей удавалось справляться с его настроением, но сейчас он бывал невыносимым. Мама очень хорошо влияла на него — никогда не позволяла ему впасть в уныние и могла одной удачной, вовремя сказанной фразой вывести его из мрачных мыслей. Достаточно было услышать ее заразительный смех, чтобы снова воспрянуть духом. Сара была уверена, что он любил ее мать. Она видела, насколько он был раздавлен потерей, как глубоко переживал горе. Она даже боялась, что он так и не найдет в себе сил выбраться из этой ямы. Ежедневные поездки на могилу уже стали напоминать одержимость. И все же она чувствовала — что-то не так. Не настолько, чтобы свести на нет прожитые вместе годы или их любовь друг к другу. Просто что-то было не так — как если собрать пазл из тысячи элементов и понять, что одного не хватает и его отсутствие портит всю картину. Ее хорошо видно и так, но взгляд всегда прикован к маленькому месту, где должен быть отсутствующий элемент. Сара не могла объяснить, почему, но ее не покидало странное ощущение, что этот элемент связан с психиатрической лечебницей Эмбергейт.

Уже который месяц она ездит туда, и каждый раз при виде величественного здания больницы, возведенного из отборного

известняка, у нее захватывает дух. Не каждый дом-музей может похвастаться таким представительным видом. Фасад роскошен, даже вычурен. Над арочной дверью торжественно возвышается восьмигранная башня с часами. На строительстве больницы явно не сэкономили, и несмотря на то, что множество ценных элементов декора успели растащить, сохранились несколько секций первоклассной глазурованной настенной плитки и витражные окна, когда-то украшавшие актовъй зал. Сейчас здание было, конечно, заброшено. Окна по большей части выбиты, а кладка рассыпалась под напором плюща.

Сара достала из сумки книгу и посмотрела на черно-белую фотографию, сделанную в конце прошлого века. «Сумасшедший дом Эмбергейт, 1898 г.». Под фото абзац текста:

«Больница была построена в 1870—72-х гг. по проекту известного архитектора сэра Леонарда Гроувса и изначально была рассчитана на 1000 пациентов из Манчестера, Ливерпуля, Честера и прилегающих областей. В 50-х годах количество пациентов превысило 1500, палаты были переполнены. В рамках государственной программы по борьбе с предрассудками против «сумасшедших домов» в 1925 году была переименована в Психиатрическую больницу Эмбергейт. В 1959 году, после принятия «Акта о психическом здоровье» из наименования всех больниц потребовали убрать указание психиатрического профиля. Больница Эмбергейт закрылась в 1997 году, и с тех пор здание стоит заброшенным, на радость поджигателям и вандалам».

На книгу стали падать капли дождя. Сара положила ее в сумку и пошла к машине. Подъехав к ограждению у здания больницы, увидела предупреждающий знак, воспреещающий дальнейший проход. На нем была изображена агрессивного вида овчарка с каплюющей слюной и утверждалось, что территория круглосуточно просматривается. На самом же деле собак здесь не было, а знак висел лишь для устрашения. Охранное наблюдение сводилось к эпизодическим визитам пожилого мужчины,

Ключ

по слухам — бывшего пациента. Время от времени он обходил территорию и если замечал кого-то, кто осмелился игнорировать знак, ругался матом и грозил кулаком.

Сара сдвинула ограждение и пролезла сквозь узкую щелку. Замерев на секунду и затаив дыхание, она осмотрелась и прислушалась. Незнакомых звуков не было — легкий ветерок шевелил листья на деревьях, где-то тихо ворковал голубь. Территория охранялась только на словах.

Она двинулась вперед по заросшему сорняками саду — длинная мокрая трава доходила ей до самых бедер. У каменных ступенек центрального входа она взялась за когда-то изысканно украшенные перила, которые сейчас проржавели настолько, что было больно смотреть, и поднялась к частично забитой досками входной двери. На ней кто-то догадался наклеить красной краской пятиконечную звезду. Она толкнула сгнивший кусок дерева, и он без особого сопротивления поддался ее усилию. Сара переступила порог и вошла в холл.

Внутри царил упадок. Стены были покрыты плесенью, а пол — голубиным пометом. Из-за стойкого запаха мочи Саре пришлось закрыть нос рукой. Повсюду валялись разбитые бутылки, окурки и одноразовые наборы для шашлыка — видимо, здесь собирались веселые компании. Пусть сейчас больница и служит местом встречи скучающих подростков, Сара попыталась представить себе ужасы, творившиеся в этих стенах в прошлом. Отец мог поделиться ценнейшей информацией из первых рук, и Сара чувствовала ярость от того, что он никак не соглашался.

Она попыталась отколоть лак с перил и внимательно осмотрела лестницу, ведущую наверх. Доски сгнили — только сумасшедший рискнул бы по ним подняться. Перед ней была двустворчатая распашная скрипучая дверь, толкнув которую, Сара оказалась в начале коридора, казавшегося бесконечным. Со стен свисала штукатурка, а на полу валялись деревянные